

дение. Организованы клубы по интересам: «Музыкально-литературная гостиная» и «Бабушкины секреты».

Однако в функционировании дома-интерната имеются и проблемы, главной из которых является отсутствие специалистов по социальной работе. Учреждение существует с 1970 г., и поэтому сформировался определенный коллектив, рабочие места заняты в основном медицинскими работниками, вследствие чего и действия сотрудников, призванных исполнять социальные функции, носят вполне определенный характер. Так, сотрудники дома-интерната, на которых возложены функции специалистов по социальной работе, зачастую выступают в роли массовиков-затейников. Да, досуг проживающих играет большую роль в их жизни, но, тем не менее, существуют более актуальные проблемы, омрачающие жизнь. Это – пьянство, скандалы, угрозы, драки, как в трезвом, так и в нетрезвом состоянии, среди проживающих замечены случаи несанкционированного отлучения из дома-интерната для попрошайничества на улицах города, непристойное поведение некоторых пожилых женщин.

Конечно, эти факты проходят неповсеместно, но они есть, и с этими проблемами нужно бороться. А чтобы работа приносила существенный результат, необходима деятельность квалифицированных специалистов, имеющих соответствующее специальное образование. Нужно надеяться, что при должной организации социальной работы в учреждении социального обслуживания населения все вышеуказанные проблемы будут постепенно доведены до минимума.

А.А. Коряковцев (Екатеринбург)

Геронтология на государственной службе

Одна из новейших исследовательниц так определяет трудность социальной адаптации стариков: «Изменения среды, в общем случае происходящие относительно плавно и постепенно, в современном российском обществе произошли достаточно быстро в связи с радикальным реформированием экономики и носят кардинальный характер, что существенно ухудшило сами условия адаптации и придало ей специфический характер» [3, с. 45]. Отдавая должное смысловому богатству этого отрывка, невозможно не обратить внимание на его стилистическое совершенство: «изменения среды... произошли... быстро в связи с радикальным реформированием экономики и носят кардинальный характер». Как будто экономика – нечто внешнее «среде» и как будто всякое изменение, если это действительное изменение, не кардинально. По сути, вся эта сентенция – тавтологична.

Это суждение – ключевое для всего изложения в данном издании и выражает точку зрения, широко распространенную не только в прессе, но и в учебной литературе. Однако, по нашему мнению, если чем оно действительно богато, кроме стилистических перлов, так это только штампами постсоветской идеологии. «...Изменения ... в общем случае происходящие относительно плавно и постепенно». В каком таком «общем случае»? Что имеет в виду автор? Западную Европу? США? Как будто не было баррикад в Париже в 1968 г.! Как будто не писали свои книги А.Торфлер и Г.Маркузе как раз про шокирующий, а не «плавный и постепенный» характер происходивших на Западе перемен в 1960-1970-е гг. От автора учебного пособия не стоит ожидать

банального невежества. Очевидно, что это сознательное замалчивание фактов истории в целях, далеких от целей науки.

«Радикальность» и «кардинальный характер реформ» в России таковы, что сейчас, на пятнадцатом году после их начала, более чем ясно, что радикализм их, по большому счету, коснулся только риторики правящих слоев. «Цивилизованные фермеры» и буржуазия, независимая от чиновников, то есть классы, представляющие капитализм в чистом виде, – до сих пор остаются лишь экзотическими персонажами государственной мифологии.

В реальности же Россия вынуждена «сочетать цивилизованные недостатки современного государственного мира, преимуществами которого мы не пользуемся, с варварскими недостатками *ancien regime*, которыми мы наслаждаемся в полной мере» [2, с. 124]. Эти строки, написанные 161 год назад К.Марксом про полуфеодальную Германию, как нельзя точно отражают и нынешнюю российскую ситуацию. Можно только добавить, что «цивилизованные недостатки современного государственного мира», такие как, например, торговые и валютные спекуляции, не были занесены к нам извне, а оказались только легализованными, став одним из главных источников накопления как частных, так и государственных капиталов. В итоге скрытые буржуазные «прелести» советского строя слились с его же собственными бюрократическими «прелестями». «Наша» ограниченность, та, к которой мы привыкли, оказалась только дополнена «чужой» ограниченностью, причем эта последняя, по большому счету, чужой является только для чиновника. Ибо для него всякая жизнь гражданского общества, в том числе и скрытая жизнь советского гражданского общества, – чужая [1]. Так на практике реализовался очень красивый проект «конвергенции» Питирима Сорокина, Андрея Сахарова и Збигнева Бжезинского. Так же, как реализуется в реальной жизни всякая социальная утопия: шиворот-навыворот.

Поэтому видеть в радикализме российских реформ причину стариковской дезадаптации – значит выдавать желаемое за действительное. Вообще говоря, это новое слово в государственной апологетике последних лет: оправдывать неэффективную социальную политику чиновника чиновничьей революционностью! Это отдает если не робеспьеризмом и большевизмом, то хуже – демагогией позднесоветской социал-бюрократии, «суловщиной». Но как далек от них наш автор, несомненно, сторонник «плавных и постепенных» перемен и противник всяких социализмов! Мы имеем полное право упрекнуть его в противоречии самому себе.

В самом деле, большинство российских пенсионеров не могут усвоить новейшие идеологические штампы и играть по новым социальным правилам. Но то же самое можно сказать о любом инакомыслящем, да и мыслящем вообще, субъекте. Какого рода ум требуется для бюрократической карьеры – это можно почитать у А.С.Грибоедова, а для бизнеса – хотя бы у О.Генри. Иначе говоря, это вопрос мировоззренческий, никак не связанный с возрастной проблематикой. Ну а про материальные возможности игры по этим правилам, и о том, имеются ли они у пенсионеров, говорить даже не стоит. Каким цинизмом нужно обладать, чтобы пенять на наших нищих стариков за то, что они не мыслят и не ведут себя по-буржуазному, как это требуют от них играющие в капитализм чиновники!

Очевидно, что наш автор стоит на точке зрения классического идеализма бюрократии, уверенной в том, что:

1. Ее управление выражает всеобщий интерес, и потому оно непогрешимо;

2. Весь остальной природный и социальный мир – только объект ее воздействия:

3. Социальные проблемы, возникающие во время ее правления, – результат либо чьего-то злого умысла, либо несовершенства социального материала, в данном случае стариков.

Информацию о несовершенстве последних наш автор черпает из геронтологии, обогащая, таким образом, идейный багаж государственной апологетики. И, точно, общим местом описаний старческого поведения является констатация психологической консервативности пожилых людей, выражающейся в том, что они плохо воспринимают новшества, тяготеют к традиционному образу жизни и склонны к идеализации прошлого.

Но предопределен ли консерватизм стариков процессами старения самими по себе? Простые эмпирические факты говорят об обратном. Во-первых, огромное количество молодых людей демонстрируют часто не меньший консерватизм во взглядах и не меньшую социальную инертность. А, во-вторых, разве нет примеров, когда старики до самой смерти оставались творчески активными, дерзко мыслящими людьми, опережающими своих современников? Лев Толстой, Бернард Шоу, Маркс, Эйнштейн, Асмолов, Алферов, Гинзбург и так далее...

Действительно широко распространенный в России, впрочем, как и во всем остальном мире, старческий консерватизм – следствие не старости как таковой, а предыдущего образа жизни пожилых людей в условиях, причуваших их к пассивному отношению к самим себе и к окружающему миру. Естественная физическая и умственная немощь, наступающая в старости, только усугубляет эту пассивность, но не порождает ее.

Условия, в которых жили старшие поколения, отнюдь не сводятся к пресловутому «тоталитаризму» (ибо сам он, как политический феномен, вторичен). Они заключаются в господствующих формах разделения общественного труда и в уровне развития производительных сил; ведь по преимуществу наши несчастные старики – не более чем *отработанный человеческий материал индустриального производства*, духовно остающийся на уровне этого производства. При чем, в массе своей, они представляли собой не более, как *человеческое сырье* промышленности, находясь на самых низших ступенях социальной иерархии.

В этих общественных условиях трудности социальной адаптации стариков проистекают из того обстоятельства, что быть социально активным здесь можно только в качестве рабочей силы, всецело зависимой от рынка труда, или в роли номенклатурной единицы, вписанной в рамки какой-либо корпорации. Именно несоответствие рыночным стандартам и карьерным требованиям по тем или иным причинам, в том числе и возрастным, влечет за собой существенное изменение образа жизни и снижение ее качества, а не наоборот.

Внешнее ограничение работоспособности здесь может происходить и когда деятельность человека превращается в чисто механическое деяние, не требующее больших знаний и работы ума (привыкнув к которым и оказавшись не у дел, он просто не знает, чем ему еще заниматься). И когда его увольняют «по закону», по формальному правилу, а не потому, что он плохо работает.

Иначе говоря, не старость как таковая, не возраст, являются причиной неработоспособности в этих общественных условиях (так кажется только, если стоять на бюрократической, формальной точке зрения), а социальные факторы, *насильственно*, внешне, ограничивающие работоспособность человека.

Но если моя продуктивная деятельность по своей форме индивидуальна, непосредственно предполагает развитие духовных и физических сил и не связана с жестко фиксированным местом в системе разделения труда и социальной иерархии? Если я – художник, дизайнер, ученый, писатель, переводчик, вольно практикующий врач или юрист? (Список подобных профессий можно продолжить.) В этом случае я могу трудиться (и содержать себя и даже свою семью) до тех пор, пока *работает мой мозг*. И новые технологии (компьютер, Интернет) только способствуют такой индивидуализации, независимости труда (хотя бы только относительной независимости от промышленного производства, нивелирующего личность). В США, например, по данным Университета прогнозирования новых технологий им. Дж.Вашингтона, ожидается, что к 2019 г. 80% населения будет работать, используя телекоммуникации, в режиме удаленного доступа. В перспективе это приведет страны, переживающие «информационную» революцию, не только к максимальному сокращению пенсионного возраста, но и к ликвидации самого этого явления, к ликвидации пенсионеров «как класса» в том смысле, что теперь ограничителем трудовой деятельности станет не формальный возраст, а непосредственно *болезнь*.

И то – не всякая болезнь. Как свидетельствует судьба выдающегося английского физика и астронома Стивена Хокинга, прикованного с рождения к постели, новые технологии существенно облегчают общественную активность и безнадежно больным инвалидам. Инвалидность определяет социальное качество личности лишь постольку, поскольку само общество является инвалидом, поскольку телесная патология его граждан определяет их *социальную патологию*, их социальную исключительность. Телесная патология в этом обществе выражает отнюдь не личную, а именно общественную патологию; она *есть* общественная патология. Предпосылкой общественного здоровья, является поэтому, кроме всего прочего, не совершенное законодательство по поводу инвалидности, а устранение самой инвалидности как особого социального качества личности. В этом состоит эмансипация инвалида до человека и, вместе с тем, *телесное, физическое выздоровление* общества. Такова историческая цель института социальной работы – в ликвидации условий, воспроизводящих его клиентов, а, стало быть, и в ликвидации самих клиентов, точно так же, как цель деятельности врача состоит в том, чтобы не было больных.

Так что утрата работоспособности и старость (равно как и инвалидность) – явления отнюдь не тождественные. При определенных общественных условиях они вовсе не подразумевают друг друга. Вышеупомянутый же *субъективный* фактор старческой инерции обусловлен отнюдь не личным выбором того или иного лица, а, прежде всего, предыдущим историческим развитием общества, связанным со становлением и развитием индустриального производства и соответствующих этому процессу политических форм.

Фактом российской политической и экономической жизни является то, что на ключевых руководящих постах у нас доминирует отнюдь не молодежь, а люди советских поколений, те, кому от 40 до 70 лет. Руководитель, которому *до 40 лет*, считается «молодым». Это лишний раз доказывает, что не старость сама по себе препятствует людям пожилого возраста приспособиться к новому политическому режиму (к «реформам»). Это мешает им сделать их *классовый статус*.

Но современные исследователи, как правило, пренебрегают этим фактом. Они, похоже, в своем воображении живут уже при коммунизме, в обществе без классов и без классовых конфликтов, поскольку именно таковым

мыслят современное российское общество. Только этот их коммунизм не имеет никакого отношения к учению классиков марксизма. Это – *бюрократический коммунизм*. Он сводится к тому, что на страницах разного рода начальственных реляций и наукообразных штудий реальные, классовые отношения людей в гражданском обществе, основанные на частных интересах, изображаются как отношения внутри иерархической, формальной, *идеальной* общности. Вот и нашлось применение «духовности»! Мифологии чиновника и священнослужителя слились.

А вне исторических, социально-классовых (и связанных с ними культурных) предпосылок социальные явления выглядят явлениями абстрактно-антропологическими. Когда речь идет о бедствиях российских стариков, это приводит к тому, что предмет общественных наук – общественные отношения в их историческом развитии, подменяют предметом геронтологии, науки в своей основе медицинской. Это служит для теоретического обоснования тезиса о несовершенном объекте совершенного государственного управления.

Социальные проблемы, а еще больше – неспособность государственных чиновников справиться с ними, делают существование экономически несамостоятельной части гражданского общества, в особенности пенсионеров, *балластом*, особенно для федерального и регионального бюджета. Их бедственное положение невозможно игнорировать, но ответственность за него перекладывается на них самих. Не могут они утнаться за «радикальным» и «кардинальным» социальным творчеством государства! Так рассуждает наш автор. Из его слов логично, и, главное, *обоснованно* высшими государственными потребностями и интересами, проистекает *законное* желание балласт этот сбросить. Что и подразумевает вдохновленная Г. П. Медведевой и подобными ей «геронтологами» нынешняя «радикальная» и «кардинальная» реформа по монетизации льгот инвалидов и пенсионеров. Если власть отказывается *социально* уничтожить эти категории, она уничтожает их *физически*.

Библиографический список

1. *Коряковцев А.А.* Политическое самоотчуждение труда и проблема социалистической революции: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 1994.
2. *Маркс К.* К критике гегелевской философии права: Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 424.
3. *Медведева Г.П.* Введение в социальную геронтологию. М., 2000.

К.В. Кузьмин, Л.Е. Петрова (Екатеринбург)

Социальная работа и медицина: вместе или врозь? (Взгляд не со стороны)

Произошедшее не так давно ведомственное слияние двух федеральных министерств – Министерства здравоохранения и Министерства труда и социального развития – в единое Министерство здравоохранения и социального развития до сих пор вызывает множество споров и недоумений с обеих сторон: и медики, и работники социальных учреждений пребывают в некотором смятении – как можно сочетать практическую медицину, целью которой является забота о физическом здоровье человека и лечение всевозможных хворей,